

Религиозный раскол и «германский» патриотизм. К вопросу о роли конфессионального противостояния в немецких княжествах в годы Тридцатилетней войны (1618–1648)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с религиозным расколом в Германии и его влиянием на формирование немецкой национальной идеи в эпоху Тридцатилетней войны (1618–1648). Интеллектуальная жизнь Священной Римской империи германской нации со второго десятилетия XVII в. в решающей степени была обусловлена Тридцатилетней войной. Немецкие интеллектуалы, в основном литераторы и публицисты, первыми во время войны подняли в своих произведениях тему необходимости немецкого единства, любви к своему отечеству, причем без ставшего в Германии с XVI в. традиционным деления на католиков и протестантов. Для расколотых по конфессиональному признаку немецких княжеств такая проблематика стала новаторской. Статья основана на широком круге источников, в основном публицистике и литературе середины – второй половины XVII в. Новизна исследования заключается в рассмотрении генезиса немецкой национальной идеи через призму конфессионального своеобразия немецких территориальных княжеств. Источники, использованные автором статьи, в первую очередь привлечение публицистического материала наравне с художественной литературой, также отражают новизну исследования. Несмотря на то что среди немецкой интеллектуальной элиты были представители разных религиозных взглядов, именно литераторы и публицисты являлись своеобразным примером конфессиональной терпимости. Эта узкая прослойка немецкого общества стала провозвестником ментальных изменений и глашатаям перехода от конфессиональных доктрин к новым представлениям о «государственном интересе», переплетенном со становлением национальных концепций раннего Нового времени.

Ключевые слова: Г. Я. К. Гриммельсгаузен, Г. Ф. Гарсдерфер, М. Опитц, нация, конфессионализация, национализм, Тридцатилетняя война, интеллектуальная элита, немецкая литература, Германия.

Annotation. The article examines the questions concerning the religious rupture in Germany and its influence on the formation of the German national idea in the period of the Thirty years' war (1618–1648). The intellectual life of the Holy Roman empire of the German nation from the second decade of the 17th century was significantly determined by the Thirty years' war. The German intellectuals, mostly authors and publicists, were the first to raise through their works the subject of the necessity for German unity and love for one's homeland, without the traditional division into Catholics and Protestants developed from the 16th century. For the German duchies, divided by confessional allegiances, this became a novel challenge. The article is based on a wide range of sources, mainly from the publicist and literary genres from the middle and second half of the 17th century. The originality of this research is in its analysis of the genesis of the German national idea through the prism of the confessional uniqueness of the German territorial duchies. The sources used by the author, in the first place publicist material and literature, in itself also presents the originality of this research. Despite the fact that among the intellectual elite there were representatives of different religious views, it was the authors and publicist who presented a unique example of confessional tolerance. This narrow stratum of German society became the messenger of mental changes and the announcer of transition from confessional doctrines to the new notions of "state interests", weaved with the formation of the early Modern national conceptions.

Key words: Thirty years' war, nationalism, confessionalisation, nation, M. Opitz, G. Ph. Harsdörffer, H. J. Ch. Grimmelshausen, intellectual elite, German literature, Germany.

Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00270 «Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618–1648) в событиях и коллективной памяти Европы»

Для раннего Нового времени Тридцатилетняя война стала «войной всех войн». Это произошло потому, что и масштабы войны, и количество ее участников, и в первую очередь проблемы, которыми она была вызвана, были чрезвычайными для истории XVII в. Тридцатилетняя война стала выходом накопившихся конфессиональных, политических (борьба за европейскую гегемонию) и социальных (расшатывание традиционного сословного общества, выход на политическую арену новых социальных групп, например, бюргеров) конфликтов. У современников война получила название «немецкая» (*der Teutsche Krieg, bellum Germanicum*) или даже «Тридцатилетняя война немцев» [6; 7; 29; 34; 38; 40].

Интеллектуальная жизнь Священной Римской империи германской нации со второго десятилетия XVII в. в решающей степени была обусловлена Тридцатилетней войной. Немецкая интеллектуальная элита, безусловно, практически сразу отреагировала на войну, обратившись к немцам при помощи огромного количества памфлетов, иллюстрированных листовок, художественных текстов [35, 8].

Немецкие поэты, писатели, ученые восприняли Тридцатилетнюю войну как всеобщее бедствие, не оставившее в стороне никого. Особую роль здесь сыграли выдающийся немецкий поэт Мартин Опитц (1597–1639), его младшие современники Андреас Грифиус (1616–1664), Георг Филипп Гарсдерфер (1607–1658) и Иоганн Клай (1616–1656), поэт, филолог, литературный теоретик Юстус Георг Шоттель (1612–1676), знаменитый писатель-романист Ганс Якоб Кристоффель Гриммельсгаузен (ок. 1622–1676). В их сочинениях, прежде всего в литературных поэтических работах, запечатлелись кровавые сцены военной действительности. Возник своеобразный жанр «плачей», характерным образом посвященный не судьбе отдельных государств, а всей Германии. В 1624 г. появился первый сборник стихов Мартина Опитца под общим названием «Слово утешения среди бедствий войны». Стихи, собранные в этом сборнике, полны горечи, тоски и трагизма, навеянных невзгодами, которые обрушились на немецкие княжества. В литературных произведениях появляется и образ самой Германии, страдающей, корчащейся в предсмертных муках:

Германия лежит в смертельной лихорадке,
В горячечном бреду!.. Костлявою рукой
Ей горло сжала смерть. Надежды – никакой!
Лицо искажено. От ран гноится тело... [8, 223]

Однако немецкие литераторы не только описывали ужасы войны и бедственное положение населения. В их литературных произведениях можно найти стремление поддержать и утешить простого человека, против желания вовлеченного в военную катастрофу. Война существенно укрепила и усилила немецкие претензии на обладание особыми моральными качествами и добродетелями, которые раньше не столь четко звучали в литературе [32, 170]. Подобные претензии служили своего рода компенсацией за очевидное политическое бессилие раздробленной Германии перед лицом мощной Франции – главного на тот момент «зеркала» немцев. Война же продемонстрировала политическую силу Франции и слабость Германии максимально наглядно, заставив немецких литераторов искать убежище в немецких добродетели и культуре:

Разрушит враг твой дом, твой замок уничтожит,

Но мужество твое он обстрелять не сможет.
Он храм опустошит, разрушит. Что с того?
Твоя душа – приют для Бога твоего.

Пусть угоняют скот. Благодаренье небу,
Остался в доме хлеб. А не осталось хлеба –
Есть добродетели спасительная власть,
Которую нельзя угнать или украсть [5, 142].

В условиях войны немецкие интеллектуалы постоянно призывали немцев к объединению, считая, что только таким образом будут возможны противостояние врагам и возвращение немецким княжествам одного из лидирующих положений на европейской арене. Апелляции к мифическому «единству» Германии были одной из характерных особенностей публицистики первой половины XVII в.

Однако реалии Германии XVII в. были прямо противоположными. Германские земли отличали беспримерная территориальная раздробленность, конфессиональная разобщенность, партикуляризм, культурная гетерогенность. В ходе Реформации немецкие земли оказались разделенными даже не на две, а на три соперничавшие, а порой и открыто враждовавшие между собой части. Католиков, лютеран и кальвинистов разделяли различные политические и духовные ценности [37, 99]. Конфессионализация и сильнейшая партикуляристская традиция обусловили различия в быте, культуре и менталитете, которые проявлялись в самых разнообразных сферах – от разницы в обрядах и праздниках до использования отличных друг от друга календарных систем. Однако даже вну-

три группы, объединенной вероисповеданием, не было единства. Внутри конфессий постоянно шла борьба за политическое лидерство, поддерживаемая разными иностранными союзниками.

Важнейшей заслугой немецких интеллектуалов эпохи Тридцатилетней войны можно считать попытки привить немецкому обществу чувство любви к своему отечеству и, может быть самое главное для эпохи конфессионализации, преодолеть религиозные распри. Основой для претворения в жизнь подобных идей явились поиски общих точек, которые могли бы стать близкими многим и на основе которых было бы возможно укрепление немецкого единства. Сильный интеграционный импульс, заложенный в немецкой лирике и публицистике Тридцатилетней войны, стал почвой для развития немецкого национального самосознания. Переживая за судьбу своей родины, немецкие интеллектуалы постепенно стали первыми глашатаями немецкой национальной идеи, «пробуждая» немецкую нацию и утверждая уникальность всего, что связано с Германией [2]. Одной из излюбленных тем в немецкой публицистике стало обращение к историческим сюжетам, свидетельствующим о «былом величии» и важной роли Германии в мировой истории. Особое место здесь занимала Реформация.

Позиция немецких литераторов по отношению к конфессиональной проблеме имеет тем более важное значение, что именно здесь преимущество национальной идеи над традиционными ценностями и установками проявилось особенно ярко. В интеллектуальной элите немецких территориальных княжеств не было религиозного единства, в ее рядах были представители и католического, и евангелического, и кальвинистского вероисповеданий. Однако стоит заметить, что основная масса литераторов принадлежала к лагерю протестантов [36, 198]. Лютеранами были Г. Гарсдерфер, его соратник И. Клай, их младший современник З. фон Биркен. Практически все члены «Плодоносящего общества», такие как А. Грифиус, Ю. Шоттель, М. Опитц, были протестантами. Г. Я. К. Гриммельсгаузен при рождении был крещен в евангелическую веру, но, повзрослев, принял католицизм. Религиозная составляющая в становлении национальных представлений немецких литераторов играла неоднозначную роль. С одной стороны, это было обусловлено конфессиональным расколом, который поделил общество на противоборствовавшие лагеря. Однако гораздо важнее было то, что религиозная проблема уже не казалась немецким литераторам

эпохи Тридцатилетней войны столь непреодолимым барьером для единства.

Религиозный раскол, без сомнения, повлиял на формирование взглядов немецких литераторов, поэтому к конфессиональным вопросам они обращались довольно часто. Характерной чертой научных историко-литературоведческих сочинений середины XVII в. были попытки осмыслить сам факт религиозной разобщенности, роль М. Лютера в процессе церковного раскола, а также выяснить, почему Реформация началась именно в Германии [28, 11]. Тем не менее тот узкий круг, в который входили немецкие интеллектуалы эпохи Тридцатилетней войны, имел специфический взгляд на религиозные проблемы. Например, Георг Гарсдерфер – убежденный нюрнбергский протестант – осознавал, к каким бедам привели религиозные склоки. Среди городской интеллектуальной элиты, к которой принадлежал мыслитель, были не только типичные для Нюрнберга представители евангелического вероисповедания. Здесь можно было встретить и католиков, и даже православных [24, 139]. При этом дружеская обстановка, царившая среди интеллектуалов города, одного из протестантских центров Германии, способствовала укреплению у поэта мысли, что «все христиане равны между собой» [25, 326]. Гарсдерфер аллегорически изобразил конфессиональный раскол в немецких княжествах, прибегнув к притче: у отца было три сына, которым он завещал свое состояние. Старший сын пытался захватить лучшие дукаты, что вызвало озлобление младшего, «так два брата стали заклятыми врагами». Средний брат взял лишь то, что ему причиталось по завещанию, и призывал братьев одуматься и помириться [26, 23]. Под старшим братом Гарсдерфер подразумевает Католическую церковь (чтобы у читателя не возникло сомнений, о чем конкретно повествует автор, Гарсдерфер сделал подстрочник, где объяснил свою позицию), под младшим братом – кальвинистов. В роли среднего брата выступает евангелическое вероучение. Все ветви христианской религии происходят от «общего корня», и все они, по мнению интеллектуала, имеют поэтому равные «права на наследство», то есть право на существование. К безоговорочному приоритету католичества Гарсдерфер относился скептически, считая, что католики должны пересмотреть свои взгляды и потесниться, давая дорогу представителям других конфессий. Эту точку зрения поэт высказал в другой притче, где изобразил католическую религию в образе безобразной ста-

реюющей женщины, которая, правда, увидев в зеркале свое истинное лицо, хочет измениться [26, 129]. Гарсдерфер старался показать место, которое, по его мнению, следует занять протестантам в конфессиональном расколе: они должны не поддерживать религиозные противоречия, а наоборот, стремиться сгладить ситуацию, выступить в роли миротворцев.

Теолог и поэт Иоганн Клай, как и Гарсдерфер, принадлежал к нюрнбергскому кругу литераторов. На формирование религиозных взглядов Клая большое влияние оказал его учитель и соратник Иоганн Михаэль Дильхерр (один из самых известных и уважаемых современниками немецких теологов, философов и публицистов времен Тридцатилетней войны), который, будучи протестантом, активно общался с иезуитами и даже с представителями различных религиозных сект [44, 5]. Дильхерр проповедовал веротерпимость, выступал категорически против конфессиональных преследований, считая, что религия остается личным выбором человека [44, 5]. Его приверженцев, в первых рядах которых находился И. Клай, прозвали «орденом Дильхерра» [44, 5]. «Пора прекратить давний спор между католиками и протестантами», – позже писал Клай [31, 20]. «Война не несет славы ни католикам, ни их противникам. Где раньше был алтарь, теперь растет терн», – говорил поэт [30, 4].

Теологии посвятил себя Зигмунд фон Биркен. Как поэт указывает в автобиографии, теология являлась для него «высшей наукой, без постижения которой жизнь образованного христианина не может быть полной» [13, 23]. В детстве Биркен и его семья подверглись религиозным гонениям, они вынуждены были какое-то время скитаться, пока не осели в Нюрнберге, родном городе матери Биркена, протестантки по вероисповеданию [13, 3]. Религиозные гонения не ожесточили будущего поэта, в зрелом возрасте он не проявлял неприязни по отношению к католикам или кальвинистам, утверждая, что «у каждого христианина в жизни есть главный друг и утешение – это Господь. Он дает жизнь, он же ее и забирает. Все христиане, каковыми являются немцы, должны чтить Господа нашего и славить имя его» [13, 18]. В целом для теологических воззрений мыслителя характерно стремление к «прекращению *немецкой* (курсив мой. – А. Л.) религиозной распри» [13, 41].

Мотив необходимости христианского единения был присущ и сочинениям Юстуса Георга Шоттеля. Сам поэт был сыном протестантского священника из Северной Германии, следование

строгим религиозным традициям было сформировано у него с детства [20, 237]. Однако Шоттель не стал фанатичным приверженцем протестантизма, а выступал в основном за «примирение *немецких* (курсив мой. – А. Л.) христиан» [41, 115]. Из семьи протестантского священника, так же как и Шоттель, происходил Андреас Грифиус. В юности он на собственном опыте узнал, что такое гонения по религиозным убеждениям: гимназию, где он учился, закрыли лишь потому, что она была ориентирована на протестантов и в ней проповедовали лютеранские священники. «Единство христианства» было его «заветной мечтой», о чем он писал в своих стихах [23]. От того, к какой из ветвей христианства принадлежит человек, время его смерти не зависит: «Как ни молись, нельзя от смерти спастись» [23, 127].

С точки зрения развития немецкой национальной идеи конфессиональная проблема не исчезала, а лишь призывала к преодолению религиозного раскола для объединения немецкой нации. Второй важнейший момент заключался в том, что сам факт начала Реформации именно в Германии был предметом национальной гордости и трактовался как доказательство особого места немцев среди европейских народов. Новая религиозная догма была завоеванием, которое невозможно было оспорить, и делала самобытнее, за которую ратовали поэты, реалистичнее. Литераторы в своих сочинениях трактовали Реформацию как специфически немецкий феномен. По мнению некоторых исследователей, признание Реформации в качестве важнейшей вехи немецкой истории доказывает, что «немецкое национальное чувство в раннее Новое время развивалось не как принцип политики или экономики, а было патриотизмом, основанным на культурных или религиозных ценностях» [28, 15]. В протестантизме многие литераторы видели «особый путь» немцев [41, 1175]. Немецкие литераторы XVII в. чувствовали, что выдвинутый Лютером лозунг «Прочь от Рима!» делал возможным немецкое единство не на основе христианского универсализма, а на базе «национального» начала, где во главу угла ставился принцип общности языка. Тем самым затрагивается еще одна сторона влияния конфессиональной проблемы на немецкую национальную идею – судьба немецкого языка. «Я обращаюсь именно ко всем немцам, поскольку говорю на немецком», – писал Лютер [33, 214]. Существует точка зрения, согласно которой сам успех Лютера был связан с его обращением к «национальным компонентам» [38, 58]. На этот «национальный компо-

мент» учения Лютера обратили внимание в своих сочинениях и литераторы эпохи Тридцатилетней войны. Провозгласив Лютера «национальным героем», они считали, что основоположник Реформации являлся не попирателем вековых немецких традиций, а наоборот, их продолжателем, в том числе потому, что «он сделал молитву доступной для любого немца» [41, 1179]. Даже католик Гриммельсгаузен приветствовал перевод Библии на немецкий язык: «Переведи на немецкий: “Бог создал первого человека и нарек его Адам. И эти четыре буквы говорят нам, что он был взят от четырех концов мира”. И неужели в таком виде сложнее поверить подобному происхождению первого человека?» [21, 34]. Люди, молящиеся на том же языке, на котором они говорили, по мнению мыслителей, сильнее ощущали свою принадлежность к данному народу [21, 176], его традициям и обычаям, что способствовало формированию национального самосознания. Речь шла уже о противопоставлении всего «лютеровско-немецкого и католически-латинского, но оно постепенно охватило и немцев-католиков» [42, 244]. Идеальная картина миропорядка рисовалась мыслителям так. «Религия и политика закончили спорить. К ним было послано Единство, чтобы утихомирить эти воюющие стороны, после чего был наведен окончательный порядок, который царит и по сей день», – писал Гарсдерфер [26, 248].

Идея немецкого единства стала основой для создания немецкими поэтами и литераторами патриотических концепций. В Священной Римской империи германской нации накануне Тридцатилетней войны существовало два основных вида патриотизма. Оба они были связаны с пониманием и толкованием в немецкой публицистике понятий «родина» и «отечество». В империи была расхожая и прочно укоренившаяся в общественном сознании интерпретация патриотизма в так называемом имперском смысле [43, 176]. Под «имперским» патриотизмом (*der Reichspatriotismus*) можно подразумевать чувство привязанности к Священной Римской империи германской нации. Возведенное в ранг основных духовных ценностей и восходящее к Средним векам определение империи как «священной» (*imperium sacrum*) обуславливало христианскую основу императорской власти и восприятие империи как «идеального мирового государства» [30, 3]. Религиозные мотивы имперского патриотизма сохранялись и в эпоху Тридцатилетней войны. Несмотря на ее очевидный упадок, немцы продолжали гордиться «наихристианнейшей монархией мира». Имперский

патриотизм имел широкое хождение во время Тридцатилетней войны. «О ты, бедная Римская империя, наше возлюбленное Отечество! О благородный орел, не позволяй умертвить себя. Найди силы и раскинь свои мощные крылья», – писали публицисты. Под «орлом» в немецкой публицистике традиционно подразумевали империю, при этом его крылья олицетворяли собой немецкие земли [27]. Они надеялись, что империя сможет «собрать все свои части воедино и противостоять неистовству врага» [27]. По отношению к империи в публицистике часто встречаются эпитеты «возлюбленная», «благородная», «благословенная Богом» [15, 142, 178, 193 и др.]. Подобная риторика была, согласно исследованиям немецкого историка Н. Эйзенштадта [18, 34], направляема отчасти самим императором и его придворными кругами для создания чувства принадлежности немцев к «великой державе» Габсбургов, которая имела мировой престиж и была предназначена самим Богом для великих свершений, а вместе с ней и все население ее частей [15, 108]. Война же разрушала основу основ – «единство головы и тела» – то есть империи и немецких княжеств [15, 108].

Однако в самих княжествах существовала иная точка зрения на то, что можно считать «любовью к родине». В отличие от имперского «земельный» патриотизм (*der Landespatritismus*) провозглашал как главную патриотическую ценность не империю в целом, а отдельные территориальные княжества, в которых в первой половине XVII в. все более пробивали себе дорогу централистские тенденции и стремление князей к абсолютной власти. Соответственно основные тезисы «земельного» патриотизма были политически выгодны в первую очередь князьям. Работавшие при княжеских дворах писатели и публицисты активно развивали выгодные для своих правителей патриотические идеи, где в центре находилась фигура самого князя, который изображался как главный хранитель исконно немецких обычаев и традиций. Для «земельного» патриотизма типичным является отождествление отдельно взятой немецкой области, а чаще княжества, с отечеством. Например, герой популярного немецкого плутовского романа Г. Я. К. Гриммельсгаузена, своеобразной «энциклопедии Тридцатилетней войны» [3, 476], Симплициссимус называет своим «отечеством» область Шпессарт, расположенную на границе Баварии и Гессена [22, 24]. «Земельный» патриотизм все время находился в противостоянии с имперским, давая князьям надежды на большую независимость.

Немецкие писатели, поэты, публицисты в годы Тридцатилетней войны выработали в своих сочинениях новую точку зрения на патриотизм. Этот новый вид патриотизма распространялся за пределы отдельных княжеств, но был связан не столько со Священной Римской империей, сколько с Германией, которая воспринималась уже как совокупность не только всех немецких княжеств, но и населявших их немцев. Одним из способов донести до читателей это новое понимание было стремление создать ощущение единства немцев перед общей бедой. Городские хроники, иллюстрированные листовки, памфлеты красочно изображали ужасы войны. «Так случилось, что город (Магдебург. – А. Л.) со всеми своими жителями попал в жестокие руки врагов, которые со всем остервенением, бешенством и злостью поджигали и разоряли. <...> Тут не было ничего, кроме убийств, пожаров, грабежа, разбоя, пыток. Были убиты многие тысячи ни в чем не повинных мужчин, женщин, детей» [14, 263]. Никто не был застрахован от зверств солдат. Пытки и насилия совершались чрезвычайно жестоко: отрезали носы и уши, закапывали в землю живьем, снимали кожу [22, 59]. Одним словом, война казалась современникам настоящим апокалипсисом [12, 312]. В своих произведениях публицисты постоянно опирались на обобщенные понятия, излюбленными местоимениями были «мы», «наши» и т. д. Особенно ярко это запечатлелось в поэзии Тридцатилетней войны. Известный немецкий поэт Пауль Флеминг писал:

Наши села сожжены,
 Наши рати сражены,
 Наши души гложет страх,
 Города разбиты в прах [9, 224].

Широкой популярностью пользовалась патриотическая поэзия Мартина Опитца:

Любимая страна, где мера нашим бедам?
 Какой из ужасов тебе еще неведом?
 Ответствуй: почему за столь короткий срок
 Твой благородный лик так измениться
 смог? [4, 192]

Постепенно и в поэзии, и в других сочинениях времен Тридцатилетней войны начинают отчетливее проступать связи между представлениями об «отечестве» и о Германии:

Ах, что за времена!.. Смятенье и тревога!
 Как в лихорадочном я пребываю сне.

Взбесились друг и враг. Отечество – в огне, – писал Юлиус Вильгельм Цинкгреф, рассуждая в одном из своих стихотворений о судьбе Германии [10, 184]. Со временем в сочинениях вре-

мен Тридцатилетней войны Германия начинает восприниматься писателями и публицистами однозначно как «отечество всех немцев» и подразумевает совокупность всех немецких территориальных княжеств. Например, аллегорически описывая войну в образе страшного зверя, один публицист писал следующее: «О Германия! <...> [Страшный зверь] как лев, волк или медведь, не щадит никого, Ужасом и страхом гонит людей в изгнание. <...> И как же называют этого зверя? Его называют “война”. И где же он обитает? В нашем Отечестве» [11]. «Германский» патриотизм интеллектуалов выходит далеко за рамки и имперского, и «земельного».

Представления о Германии в значении «немецкое отечество» углублялись на протяжении всей Тридцатилетней войны. Трансформация этих представлений довольно четко видна на примере иллюстрированных листовок – небольших художественных произведений, в которых тексту всегда сопутствовал визуальный образ. Когда в 1620 г. по немецким княжествам начала свое продвижение испанская армия, присланная на помощь императору его родственниками, в листовках появляется мотив противостояния врагу-иностранцу. Образы врагов, вторгшихся в «любимое Отечество» [27], наводили страх. «Отечество, – от горя я ужасаюсь, – оплел своим коварством и хитростью Большой Паук (такое прозвище закрепилось в публицистике за испанским военачальником Амброзио Спинолой (1569–1630), который возглавлял испанские войска во время Тридцатилетней войны. Этому прозвищу он был обязан своей фамилией, созвучной с немецким словом “Spinne (f)” – “паук”. – А. Л.), – писал один из анонимных публицистов [19].

В связи с этим в публицистике Германия начинает выступать как единое целое, как «немецкое отечество», которое необходимо защищать от иностранных захватчиков. «Вы, дорогие немцы! Выслушайте наконец! Мое свободное отечество обречено на жестокое рабство», – сокрушался автор одной из иллюстрированных листовок [16]. Апелляция к немцам и Германии, мало встречавшаяся в предвоенной публицистике, в годы войны звучит весьма отчетливо. Так, например, немецкий поэт Г. Р. Векерлин обращался в это время к Германии:

Проснись, Германия! Разбей свои оковы
 И мужество былое и сердце воскреси!
 От страшной кабалы сама себя спаси,
 Перебори свой страх! Услышь свободы
 зовы! [1, 176]

В сочинениях эпохи Тридцатилетней войны термин «отечество» все чаще появлялся там, где речь шла об общенемецком контексте, о событиях, связанных не столько с судьбой отдельного княжества, сколько с Германией. Если в первые два года войны мятеж Фридриха V Пфальцского изображался как бунт непокорного курфюрста против императора, то уже к 1621 г. тон листовок о Фридрихе меняется. Его действия начинают восприниматься как повод к катастрофе, в которую погрузилась вся Германия, противостоящая остальному миру. На одной из листовок 1621 г. конфликт аллегорически изображался как большая «европейская охота»: «Его (то есть Фридриха. – А. Л.) охотничий рог вскоре слышен туркам. Его поддерживает Голландия, и из Англии ему обещают корону. Венеция тоже хочет урвать что-нибудь от этой охоты. То же самое и швейцарцы. Их пасти широко распахнуты. Во Франции все еретики спешат в эту кучу. Львиный рык слышит вся Германия» [17]. Международная составляющая войны ускорила и обострила деление мира в сочинениях поэтов и публицистов по принципу «свое»–«чужое», «немецкое»–«ненемецкое».

Идея немецкого единства в такой ситуации звучала все более четко. Тридцатилетняя война позволила рассматривать Германию как нечто целое, противостоящее иностранцам. В годы войны появились новые грани в понимании немецкого патриотизма. Свое терминологическое выражение они нашли в употреблении поня-

тий «отечество» и «Германия» в непривычном для предыдущих эпох «германском» контексте. По справедливому мнению немецкого историка Г. Шмидта, в публицистике эпохи Тридцатилетней войны понятие «отечество» употреблялось там, где подразумевалась «немецкая нация» [39, 158]. Начавшее складываться в годы Тридцатилетней войны представление о патриотизме стало, таким образом, важной вехой для становления немецкой национальной идеи.

Немецкие гуманисты-литераторы олицетворяли собой пример конфессиональной терпимости и плодотворного сотрудничества людей, пусть разделенных религией, но представлявших собой некую общность. Размышления поэтов и публицистов над конфессиональной проблемой, а также над тем, что же дал Германии и немцам перевод Библии на родной язык, были лишь одним шагом на пути к развитию важнейшего направления в становлении немецкой идеи нации в эпоху Тридцатилетней войны. Этот шаг свидетельствовал, что в середине XVII в., в разгар одной из самых масштабных войн, которую некоторые историки до сих пор называют «религиозной», пошатнулись как локальные связи, привязанность к «малой родине», так и идеи о создании «универсальной монархии». На смену партикуляризму и главенству религиозного фактора начинает приходить понятие «государственного интереса», который в XVII в. тесным образом переплетается с развитием идеи нации.

Библиография:

1. Kampmann Ch. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts, Stuttgart, 2008.
2. Schormann G. Der Dreissigjährige Krieg. Göttingen, 1993.
3. Parker G. The Thirty-Years War. London, 1984.
4. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648 гг. СПб., 2003.
5. Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
6. Repgen K. Über die Geschichtsschreibung des Dreissigjährigen Krieges: Begriff und Konzeption // Krieg und Politik 1618–1648 / hrgs. von K. Repgen, München, 1988.
7. Европейская поэзия XVII в. М., 1977.
8. Kühlmann W. Nationalliteratur und Latinität: zum Problem der Zweisprachigkeit in der frühneuzeitlichen Literaturbewegung Deutschlands // Nation und Literatur in Europa der frühen Neuzeit. Hg. Von K. Garbe, Tübingen, 1989.
9. Schilling H. Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648. Berlin, 1998.
10. Медяков А.С. Национальная идея и национальное сознание немцев / Национальная идея в Западной Европе в новое время. Под ред. В.С. Бондарчука, М., 2005.
11. Schilling H. Nationale Identität und Konfession in der europäischen Neuzeit / Nationale und kulturelle Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit, hg. von B. Giesen, Frankfurt: Suhrkamp Tb Wissenschaft, 1991.
12. Hübner K. Das Nationale. Graz-Wien-Köln, 1991.
13. Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte, Band I: Das 15. bis 17. Jahrhundert. Hg. von N. Hammerstein Notker und A. Buck. München, 1996.
14. Harsdörfer G. Ph. Deliciae Physico-Mathematicae. Bd. 1–3. Nürnberg, 1636–1653.
15. Harsdörfer G. Ph. Nathan und Jotham. Nürnberg, 1659. Bd. 1–2.
16. Klaj J. Lobrede der Teutschen Poeterey. Nürnberg, 1648.
17. Klaj J. Geburtstag des Friedens. Nürnberg, 1650.

18. Birken S. Biographia. Nürnberg, 1654.
19. Giesen B. Die Intellektuellen und die Nation: eine deutsche Achszeit. Frankfurt a/M, 1993.
20. Schottel J. G. Ausführliche Arbeit von der Teutschen Hauptsprache. Bd. 1–2. Hamburg, 1663.
21. Gryphius A. Kirchshoffs-Gedanken. Oden. Bd. 1, Berlin, 1988.
22. Schilling H. Die Reformation und die Einheit Europas-die konfessionellen Identitäten als Wegbereiter von Partikularstaatlichkeit / Standfester Glaube. Festschrift für J.F.G. Goeters, hg. von H. Faulenbach, Bonn 1991.
23. Schmidt G. Der Dreißigjährige Krieg. München. 2000.
24. Grimmelshausen H. J. Ch. Der Teutsche Michel. Frankfurt a/ M, 1652.
25. Simon H. Geschichte der deutschen Nation. Wesen und Wandel des Eigenverständnisses der Deutschen. Mainz. 1968.
26. Wandruszka von Wanstetten A. Vom Begriff des „Vaterlands“ in der Politik des Dreißigjährigen Krieges // Der Dreißigjährige Krieg. Hg. Rudolf H., Darmstadt, 1977.
27. Deutsche illustrierte Flugblätter XVI–XVII Jh. Hg. von W. Harms. Bd.1, 2, 4. Tübingen, 1981–1984.
28. Eisenstadt N. Die Konstruktion nationaler Identitäten in vergleichender Perspektive // Nationale und kulturelle Identität. Hg. von B. Giesen, Frankfurt a/M, 1991.
29. Морозов А.А. Ганс Якоб Кристоф Гриммельсгаузен и его роман «Симплициссимус» // Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплициссимус. Л., 1967.
30. Grimmelshausen H.J.Ch. Simplicissimus. Leipzig, 1888.
31. Der Dreißigjährige Krieg in Augenzeugenberichten. Hg. von H. Jessen. München, 1976.
32. Asch R.G. The Thirty Years War. The Holy Roman Empire and Europe 1618–1648. London, 1997.
33. Schmidt G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit 1495–1806. München, 1999.

References (transliterated):

1. Kampmann Ch. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts, Stuttgart, 2008.
2. Schormann G. Der Dreißigjährige Krieg. Göttingen, 1993.
3. Parker G. The Thirty-Years War. London, 1984.
4. Prokop'ev A.Yu. Germaniya v epokhu religioznogo raskola 1555–1648 gg. SPb., 2003.
5. Porshnev B. F. Tritsatiletnyaya voyna i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva. M., 1976.
6. Repgen K. Über die Geschichtsschreibung des Dreißigjährigen Krieges: Begriff und Konzeption // Krieg und Politik 1618–1648 / hrgs. von K. Repgen, München, 1988.
7. Evropeiskaya poeziya XVII v. M., 1977.
8. Kühlmann W. Nationalliteratur und Latinität: zum Problem der Zweisprachigkeit in der frühneuzeitlichen Literaturbewegung Deutschlands // Nation und Literatur in Europa der frühen Neuzeit. Hg. Von K. Garbe, Tübingen, 1989.
9. Schilling H. Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648. Berlin, 1998.
10. Medyakov A.S. Natsional'naya ideya i natsional'noe soznanie nemtsev / Natsional'naya ideya v Zapadnoi Evrope v novoe vremya. Pod red. V.S. Bondarchuka, M., 2005.
11. Schilling H. Nationale Identität und Konfession in der europäischen Neuzeit / Nationale und kulturelle Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit, hg. von B. Giesen, Frankfurt: Suhrkamp Tb Wissenschaft, 1991.
12. Hübner K. Das Nationale. Graz-Wien-Köln, 1991.
13. Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte, Band I: Das 15. bis 17. Jahrhundert. Hg. von N. Hammerstein Notker und A. Buck. Muenchen, 1996.
14. Harsdörfer G. Ph. Deliciae Physico-Mathematicae. Bd. 1–3. Nürnberg, 1636–1653.
15. Harsdörfer G. Ph. Nathan und Jotham. Nürnberg, 1659. Bd. 1–2.
16. Klaj J. Lobrede der Teutschen Poeterey. Nürnberg, 1648.
17. Klaj J. Geburtstag des Friedens. Nürnberg, 1650.
18. Birken S. Biographia. Nürnberg, 1654.
19. Giesen B. Die Intellektuellen und die Nation: eine deutsche Achszeit. Frankfurt a/M, 1993.
20. Schottel J. G. Ausführliche Arbeit von der Teutschen Hauptsprache. Bd. 1–2. Hamburg, 1663.
21. Gryphius A. Kirchshoffs-Gedanken. Oden. Bd. 1, Berlin, 1988.
22. Schilling H. Die Reformation und die Einheit Europas-die konfessionellen Identitäten als Wegbereiter von Partikularstaatlichkeit / Standfester Glaube. Festschrift für J.F.G. Goeters, hg. von H. Faulenbach, Bonn 1991.
23. Schmidt G. Der Dreißigjährige Krieg. München. 2000.
24. Grimmelshausen H. J. Ch. Der Teutsche Michel. Frankfurt a/ M, 1652.
25. Simon H. Geschichte der deutschen Nation. Wesen und Wandel des Eigenverständnisses der Deutschen. Mainz. 1968.
26. Wandruszka von Wanstetten A. Vom Begriff des „Vaterlands“ in der Politik des Dreißigjährigen Krieges // Der Dreißigjährige Krieg. Hg. Rudolf H., Darmstadt, 1977.
27. Deutsche illustrierte Flugblätter XVI–XVII Jh. Hg. von W. Harms. Bd.1, 2, 4. Tübingen, 1981–1984.
28. Eisenstadt N. Die Konstruktion nationaler Identitäten in vergleichender Perspektive // Nationale und kulturelle Identität. Hg. von B. Giesen, Frankfurt a/M, 1991.
29. Morozov A.A. Gans Jakob Kristof Grimmel'sgauzen i ego roman «Simplitsissimus» // Grimmel'sgauzen G.Ya.K. Simplitsissimus. L., 1967.
30. Grimmelshausen H.J.Ch. Simplicissimus. Leipzig, 1888.
31. Der Dreißigjährige Krieg in Augenzeugenberichten. Hg. von H. Jessen. München, 1976.
32. Asch R.G. The Thirty Years War. The Holy Roman Empire and Europe 1618–1648. London, 1997.
33. Schmidt G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit 1495–1806. München, 1999.